

ФЕЛИКС
КАСИМОВ

ПОЖЕТ БЫТЬ

Феликс Касимов

Может быть

Стихи

Книга серии "Литературный Димитровград. Поэзия"

ПОСАД

1877

1997

МЕЛЕКЕС

Р 2
К 48

Феликс Дмитриевич Касимов Может быть Стихи

Авторский вариант
Редактор В.Гордеев
Дизайн обложки, титула
и верстка Т.Царевой
Корректор О.Гордеева

Подписано в печать 28.04.97. Форма 60х84/16.

Печать офсетная. Объем 3,43 п.л. Тираж 5000 экз.

Заказ № 8661.

Совместный выпуск: Издательства "Поинт" - "Посад Мелекесс",
433510, Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

Отпечатано с оригинал-макета в Димитровградской типографии,
Димитровград, ул.Юнг Северного флота, 107.

КАСИМОВ Ф.Д.

К 48

Может быть.

Димитровград: "Поинт" - "Посад Мелекесс", 1997. с.55

Книга серии "Литературный Димитровград. Поэзия"

Обертка с загл. "Трехсосенское эхо"

Известный в нашей области писатель и краевед Феликс Касимов родился в 1937 г. в Москве, из которой вместе с семьей во время войны был эвакуирован в Поволжье. Детство и юность его прошли в Уфе, где он закончил школу и Академический институт. Десять лет он был капитаном сборной Башкирии по баскетболу.

С 1964 года живет в Димитровграде. Почти со дня основания НИИАР работал там научным сотрудником. Защищал кандидатскую диссертацию. Был чемпионом Димитровграда по шахматам.

Первые стихи Ф.Касимова были опубликованы в городских газетах в 1983 году. Кроме увлечения поэзией много времени он уделяет изучению истории Среднего Поволжья, родного края. Его перу принадлежат книги "Между Камой и Черемшаном" (1992г.) и книга очерков "История Мелекесса и его окрестностей" (1996г.). "Может быть" - главный сборник в творчестве нашего земляка, куда вошли лучшие стихи и поэмы Касимова за последние пятнадцать лет.

К $\frac{7-4-2}{38-97Д}$

© Касимов Ф.Д., 1997

© "Поинт" - "Посад Мелекесс". 1997

ISBN 5-86646-093-9

Компьютерная версия "Димитровград-панорамы", 1997

Сидели.
Ждали.
Пили пиво.
Оркестрик наконец затих.
Лишь пианист неторопливо
Знакомый подбирал мотив.

Так для себя -
 чуть улыбался,
Сбивался, путал иногда...
Полузабытый скромный вальсик,
Пятидесятые года.

Сирень, уроки, лето скоро.
Записок школьные листы.
Кроссворды улиц.
 Спящий город.
Твое окно.
 Улыбка.
 Ты.

Вдруг вспомнил игры на "Динамо":
Бросок - и время истекло.
Военный в форме, с орденами
Вручает кубок и диплом.

Припомнил двор наш -
 сквер с беседкой,
Дрова, сараи вдоль стены.
Выносит патефон соседка,
Играют в "чику" пацаны.

И вспомнил праздник.
 Город полон:
Шумят, смеются - не пройти!..
Все меньше слов тех песен помню,
Все больше нравится мотив.

МОЖЕТ БЫТЬ

Я - это где-то в глубине,
А тело - робот мой,
Который предназначен мне
Капризною судьбой.

Он мой слуга, послушный раб,
Которым я владею.

Я - капитан,
а он - корабль.

Он - дело,
я - идея.

Мы существуем с ним вдвоем
И нет надежней уз:
Он мне движение дает,
Я выбираю курс.

Он видим,
ощутим,
весом;

Он вещь,
явление,
тело.

А я лишь призрачный узор,
Легенда,
тайна,
тема.

Но если к нам придет беда
И рухнет наш союз,
То он исчезнет навсегда,
А я лишь затаюсь.

Я затаюсь, замру пока
В глуби...
Но, может быть,
Когда-нибудь в других веках
Я снова буду жить.

Порой в случайном сочетаны
Привычных слов, идей, имен
Вдруг явно чувствую дыхание
Иных событий и времен.

Услышу в разговоре фразу,
Перехвачу лукавый взгляд,
Сам улыбнусь -
и вспомню сразу
Какой-то давний маскарад...

Увижу незнакомый берег,
Залива пенистый овал -
И чувствую, почти уверен,
Что здесь когда-то я бывал.

Да, да!
Вон там мы шли на бриге
И нас преследовал корвет...
Бывает -
в запыленной книге
Чужой откроется конверт.

Но здесь не так...
 Быть может, гены -
 Не только наших тел зерно,
 Но в них незримо и нетленно
 Минувшее сохранено?

И память,
как река с верховьев,
Прошедших дней несет улов
На берег мой -
в средневековые
Четырехтысячных годов.

Над головой нависли кроны,
Сомкнулись за спиной кусты...
Лесной зверек - костер укромный
Ко мне пришел из темноты.

**А ночь тревожна: ухнет птица,
На плесе сом ударит вдруг...
Останься, все равно не спится,
Я покормлю тебя из рук.**

Рекой и лесом,
мглой и глушью,
Мир ограничен мой теперь.
Я знаю:
ты не пес послушный,
Ты сильный и опасный зверь.

**В вражней сухостойной чаще
Ты прячешь огненную пасть,
Миг выбирая подходящий,
Чтоб неожиданно напасть.**

**Ты любишь бурь и гроз забавы,
Когда, все сущее кляня,
Швыряет молнии в дубравы
Твоя далекая родня.**

Ты можешь притвориться мертвым,
Чтобы потом, когда уйду,
Дружок твой, ветер переметный,
Из углей вновь огонь раздул.

Тогда вы с ним, сил диких полны,
Взметнетесь в пляске огневой...
Я удержу тебя, я помню,
Что можешь ты... Я сам такой.

**Вокруг лишь степь -
 все пусто, голо,
Пять верст до ближнего села.
Церковно-приходская школа
В три класса в том селе была.**

Про революцию не скоро
Узнали мы - из третьих рук.
И с той поры пошли чуть в гору,
Не вскачь, конечно, и не вдруг.

Но тут беда: в двадцатом - голод.
Поп злобствовал:
- Бог наказал!
И мы тогда с братьями в город,
В столицу кинулись.
В Казань...

**Отец рассказывал не часто
О том, как жили до войны.
Мне в тех годах,
 как будто в чаще,
Полянки редкие видны...**

Вот трое братьев на "Динамо"
С отцом -
кто мне, выходит, дед.
- Гляди, мужик в трусах!
Вот сраму,
Ведь им, поди ж, по тридцать лет.

Когда ж узнал почем билеты,
Вздыхнул
и горько произнес:
- Эх, мать честная, сколько ж это
Теперь придется на овес!

Потом был я, внук-сын крестьянский,
Избы не видевший в глаза...
Потом - война: вокзал Казанский,
Эвакуация в Казань.

Заволжский домик дядь-Кирилла
Со вздохом всю родню вместил.
Четыре мне в ту пору было,
Пешком под стол еще ходил.

Что помню?..
Огонечек свечки,
Чулана пыльные мешки.
Еще - подкову на крылечке,
На карте - красные флажки.

И помню май...
Был теплый вечер,
Оркестр на площади гремел.
Кирилл поднял меня на плечи,
Кричал: - Ура!..
А я ревел.

За Бригадировкой дорог хороших нет...
Овражком,
перелесками,
полями,
В полынных травах оставляя след,
Поеду вверх к ярам,
к Поповой яме.

В тени у старых ив "Урал" поставлю свой,
Не торопясь налажу лодку,
снасти
И поплыву притихшею рекой
Искать свое нечаянное счастье.

Такая тишина,
такая глушь кругом,
Как будто никогда никто здесь не бывает.
Скрипит столетний вяз на берегу другом,
Кукушка сотню лет кому-то обещает.

И кажется,
что можно плыть и плыть,

Кружить среди яров
 в преддверьи листопада...
И ни о чем не надо говорить,
И улыбаться никому не надо.

Казалось путь далек,
 жизнь впереди большая,
Но посчитал года -
 она почти прошла...
Пока еще есть рыба в Черемшане,
Пора забыть все "важные" дела.

Лет десять, может быть,
 всего-то мне осталось;
Всех денег не собрать,
 всех вин не перепить.
Пока совсем не придавила старость,
Пора, пора без суеты пожить.

Советы мудрецов
 порой нам лишь мешают;
Что толку повторять чужой надежный путь?
Была бы только рыба в Черемшане,
А к остальному я привыкну как-нибудь.

Вновь осень свои предъявляет права,
С ветрами приходит прохлада.
Уже, пожелтев, облетает листва
На улицах Димитровграда.

Уже журавли потянулись на юг,
Домой возвращаются птицы.
И мы завершаем положенный круг,
Но некуда мне торопиться.

**Мой город, ты давняя пристань моя
(И я не желаю иную),
К асфальтам твоим,
 как к причалам моря,
Леса подступают вплотную.**

Когда утомлюсь бесконечной толпой,
От лиц равнодушных устану,
Я брошу дела и лесною тропой
Уйду налегке к Черемшану.

Там нет суеты,
там другая страна,
Там речки крутые изгибы.
Как тайные мысли, у самого дна
Таятся неслышные рыбы.

Шуршит под ногами осиновый лист.
Все скрылось,
 примолкло,
 остыло.
Пронизанный ветром рыбац-оптимист
Сидит на приколе уныло.

И вот уже тени легли над водой -
Деньки в эту пору коротки,
И надо опять возвращаться домой,
Как к берегу легкие лодки.

Снова лифт на ремонте
и с шестого старушка,
За перила держась, вниз тихонько пошла.
Там все вместе они,
словно мышки-норушки,
Собираясь, свои обсуждают дела.

Поздороваясь -
даже порой не ответят.
Кто я им?
Никакой там ни сват, ни родня.

Да и мне ни к чему церемонии эти:
Не заметят и пусть -
все равно для меня.

Но бывает приходишь -
устал, все постыло,
Скажут: - Здравствуй, соколик!
И я вдруг счастлив...
Что хочу?
Ничего...
Пусть все будет, как было.
Пусть судачат старушки
и работает лифт.

Буераки да осинники -
Неприметные места.
В путь-дорогу к морю синему
Убегают поезда.

Мимо леса -
за опушками
Деревушки и поля:
Близлежащее Матюшкино,
Отдаленная Бирля.

Мимо поля -
у излучины
Скирды старые видны.
Мимо вроде бы наскучившей
Средневожжской стороны.

Но уедешь -
пальмы, галечка,
Наглядишься на моря
И припомнишь вдруг прогалинку
В сосняке у Письмира.

Или вспомнишь тропку-просеку
За речушкой Ерыклой
И захочешь,
и запросишься,
И потянешься домой.

Еще стремлюсь,
еще надеюсь,
Еще стараюсь удивить;
Неосторожные идеи
Еще пытаюсь защитить.

Еще готовлю злые речи,
Цитаты свято берегу,
Но мне все чаще снится речка
И тихий дом на берегу.

На окнах ставни с петухами,
В десяток яблонь старый сад,
И за несмятыми лугами
Непроторенные леса.

АТОП

В далеком южном океане-море,
От обжитых материков вдали,
Есть островок, к которому не могут
Ни лодки подойти, ни корабли.

Коралловым неодолимым рифом
Он от людей надежно защищен,
Как замок азиатского халифа,
Стеною окружен со всех сторон.

Но раз в году, когда взойдет луна
В определенной точке небосвода,
Поднимет море плавная волна
И скалы скроют царственные воды.

В тот час сюда с соседних островов
Везут пироги жертвоприношенья
И дикари в экстазе у костров
Поют и пляшут до изнеможенья.

Но ночь прошла -
 вода идет на спад,
Из моря вновь рождаются кораллы,
И дикари спешат отплыть назад,
Пока им путь не преградили скалы.

И горе тем, кто во-время не смог
Уйти из заколдованного круга;
Атолл их опрокинет на песок
И медленно иссушит солнцем юга.

Январь заметит,
 а февраль разбудит.
Март позовет,
 апрель обворожит.
Май опьянит,
 полюбит,
 позабудет.
Июнь поймет,
 обдумает,
 решит.
Июль наметит,
 август остановит.
Сентябрь уравновесит,
 укротит.
Октябрь смутит,
 ноябрь подготовит.
Декабрь успокоит и простит.

Осенняя роскошная пора:
Улыбки, шелест волн,
 вечерняя прохлада...
Я плохо сплю -
 мне снятся мизера
И страшные нечестные расклады.

Иду к окну.

Там полная луна
Ласкает нежно лабиринты взгорий.
У моря - пары,
музыка слышна...
Как надоел мне этот санаторий!

А дома лист желтеет у осин,
Грибами пахнут влажные низины.
Уже опят - сейчас их хоть коси! -
Несут старушки полные корзины.

И на реке счастливая пора:
Играет язь,
судак берет ночами...
А я томлюсь, как на галере раб,
Измученный режимом и врачами.

РАЗРЫВ

Поляны отцвели,
Скупее стали цветом,
Как трещинки легли
Меж осенью и летом.

Счастливая их связь
Рекой еще хранится,
Еще беспечный язь
В коряжнике резвится.

Еще на меляке
Судак играет смело.
Но все ж вода в реке
Уже чуть охладела.

И глуше стала ночь,
И дольше нет рассвета...
Еще не осень,
но -
Уже совсем не лето.

Вершина лета, доньшко зимы.
Июнь - декабрь...

Все знают ту дорожку.
Сначала вверх карабкаемся мы,
А после вниз сползаем понемножку.

Невидимый могучий механизм
Планету нашу равномерно движет,
То осторожно опускает вниз,
То поднимает к солнышку поближе.

Через чужой таинственный простор
Он движется и нас несет с собою.
Давным-давно запущен был мотор
И до сих пор работает без сбоя.

За годом год,
миллионы долгих лет,
Свершается великое движенье.
Никто не знает, в чем его секрет
И каково его предназначенье.

И, чтоб понять космическую цель
И вскрыть движенья тайные пружины,
Мы "изучаем мир" -
в любую лезем щель,
Как ржавчина божественной машины.

Вчера весь день была ненастная погода,
Но вот и дождь прошел, и ветер поутих...
Читатель, друг, - какие наши годы!-
Прости и мне несовершенный стих.

Взгляни, как много звезд;
миров далеких вести
Возможно шлет Земле
мерцающий их свет.
Но ведь и среди нас,
как в тех чужих созвездьях,
Немало есть неведомых планет.

Их разве разглядишь,
встречаясь мимоходом?

- Привет!

- Привет!

И разошлись опять.

Так блеск звезды мы видим год за годом,

А есть ли жизнь - не можем разобрать.

Гараж, рыбалка, сад...

Мы все в заботах вечных,

А годы мчат и мчат,

от мая к декабрю...

Давай поговорим.

В стихах, порой беспечных,

Часть мира своего тебе я подарю.

Ну, здравствуй!

Твой далекий мозг
Сегодня встретился со мною -
Как будто бы незримый мост
Соединил меня с тобою.

Мы - словно в море острова,
Которых так и не открыли.
Мои негромкие слова,
Как корабли,
к тебе приплыли.

Я их отправил наугад,
По воле ветра и течений.
(Капризный жест,
случайный взгляд
Узоры странных совпадений...)

И вот они к тебе пришли,
В твоём порту на якорь стали:
Моих предчувствий корабли,
Твои нетронутые дали.

Ты ощутил тех слов настрой?
Ты понял смысл неровных строчек?
И это значит: мы с тобой
В своих глубинах схожи очень.

Твои надежды и мечты
Моими были прошлым летом.
Я знаю, что задумал ты.
И мой совет: забудь об этом.

Друг друга нам легко понять,
Я все с полвзгляда понимаю...
Ты что-то хочешь мне сказать?
Не надо.
Я про это знаю.

Ей восемнадцать,
а ему давно за шестьдесят;
В их неслучившийся любви
никто не виноват.

Она в цвету,
а он, увы, уже почти увял.
И вот в один из вечеров
с улыбкой он сказал:

- Нам быть с тобой не суждено,
мне скоро умирать.
Но верю я когда-нибудь
мы встретимся опять.

Все в этом мире состоит
из атомов простых:
И ты, и я, и все вокруг -
лишь сочетание их.

Века без устали ведут
частиц тех перебор,
Сумеют повторить они и твой,
и мой узор.

Когда же вновь возникнем мы
из тьмы небытия,
Тогда ровесником твоим,
надеюсь, буду я.

ТОСТ

Корабль и моря всклокоченный мамонт
(Вот-вот и затопчет недавших путь),
И бледный радист, как девочка маму,
Зовет на помощь кого-нибудь.

А утром - газеты, и мир заахает:
Одиннадцать баллов!
Рейсом в Алжир.
Со всем экипажем и грузом сахара.
Бесследно!
И все же один пассажир...

Волной не был смят,
не растерзан в бурунах,
Не втянут в пучину вопящей толпой.
Какой-то обломок,
течение,
шхуна...
И вот он - опять живой!

Вернется домой;
мать от счастья заплачет,
Настойку заветную выгащит дед...
Так выпьем за то,
чтоб удача
И нам помогала в беде!

ВЫ И ТЫ

*Я встретил вас - и все былое...
Ф. Тютчев*

Я встретил Вас - и все...
И я не знал, как быть.
Весь мир без Вас
стал грубым и постылым.
Я Вас любил, не зная, как любить, -
Лишь видеть Вас достаточно мне было.

Лишь видеть...

Только Ты не этого ждала.
И телом, и душой, и взглядом, и речами
Любила Ты и за собой звала,
Но я лишь Вас любил,
тебя не замечая.

Немало лет прошло,
мы повстречались вновь.
Прекрасней стали Вы, но я, покой теряя,
Теперь Тебе одной дарю свою любовь,
Попрежнему в любви Вас уверяя.

БАНЯ

В субботу рано утром - в баньку!
А там - в чем мама родила -
Сидим, толкуем про рыбалку,
Футбол и прочие дела.

Но прежде, веничек запарив,
Идем в парную не спеша.
- Ну, как топили?

Может, парни,
Еще подбросим полковша!

Потом - обвыкнув, обогревшись -
Восходим на крутой полог
И там себя "милуем" грешных
И так,
и сяк,
и поперек.

Бодрим,
тревожим,
тешим душу,
Но больше телу воздаем.
Потом блаженствуем под душем,
А после чай горячий пьем.

И уж потом сидим, судачим;
Кто быль расскажет, кто приврет -
И забываем неудачи,
И отдыхаем от забот.

ИЮНСКИЙ ЖУК

Война...
Какие тут игрушки,
Всем было не до пустяков.
Я прятал дома под подушкой
Июньских бронзовых жуков.

Мы их в саду ловили школьным,
В кустах рябины молодой.
Они царапали не больно
Мою некрепкую ладонь.

Еще - за станцией,
 у танков,
Куда военный лом везли.
Нас оставляли "для атанды",
Те, кто постарше, порох жгли.

Мы по броне взбирались рваной,
Чтобы достать жуков с цветка.
С тех пор рябины запах пряный
Я чувствую издалека.

И, как тогда, неравнодушен
К литым торжественным бокам,
Ловлю,
 но отпускаю тут же
На волю легкого жука.

ИГРА

Рывок по краю.
 Пас вдоль бровки.
Прошли к штрафной.
 Прострел...
 Удар!

Мяч срикошетил и неловко,
С трудом отбил его вратарь.

И в этот миг, как будто кто-то
Мне подсказал шальной отскок,
Рванулся я -
 и с полулета
Пробил под планку в уголок.

И - гол!..

Свистку трибуны вторят,
Бегут ребята поздравлять.
А мне, как в медленном повторе,
Все представляется опять.

Прострел.

В вратарской тесно очень.
Вот - рикошет.

И вот он - гол!
А стадион вокруг грохочет,
Бушует в сорок тысяч горл.

И кто-то (токарь, врач, художник),
Успевший про успех забыть,
Поверит вдруг, что сможет тоже
Свои проблемы разрешить.

Ведь, если разобраться в сути,
Все в жизни, как в игре в футбол;
Везде есть зрители и судьи,
И те, кто забивают гол.

ЦИРК

Был в старом цирке номер
(верный
Он позволял доход иметь) -
"БОРЬБА С УДАВОМ!"..
Слабонервным
Рекомендуем не смотреть.

Сначала по рядам носили
Огромный ящик со змеей.
Антрепренер вещал о силе,
Повадках и длине ее.

- Двенадцать метров!
(Пять едва ли
в том было).
Зол, как крокодил!
Его с большим трудом поймали,
Когда он тигра проглотил...

Удав!
Я трогал, восхищенный,
Прохладных мускулов металл.
Шептали рядом:
- Охлажденный
Во льду, чтобы послабже стал.

Потом атлет являлся.
Чинно
Нам представляли и его.
Вздыхали женщины: - Мужчина!..
Удав был тоже ничего.

Потом борьба.
Двумя руками
Схватив тяжелую змею,
Борец мотал ее кругами
На грудь могучую свою.

- Еще кольцо и будет поздно! -
Переживал знаток-сосед.
Но подходил служитель,
грозно
В руке сжимая пистолет.

Бугрились у атлета вены,
Была развязка так близка...
Удав давно б уполз с арены,
Но парень, видно, не пускал.

Таскал его он влево,
вправо,
На шею, на ногу крутил.
Вокруг помощников орава
Изображала страсть и пыл.

Хотелось крикнуть им:
- Довольно!
Давно наскучил ваш обман...
Я как-то матч смотрел футбольный
И вспомнил этот балаган.

В песок нас стирают шторма и прибой,
Течения уносят на дно -
Туда, где всегда тишина и покой,
Где вечно нам быть суждено.

Про нас позабудут, придумают миф,
Схоронят под илом века...
Но мы не исчезнем, себя сохранив
В бесчисленных зернах песка.

Быть может, потом через сотни веков
Планета изменит свой ход
И вновь над вершинами материков
Заплещется волн хоровод.

И там, где сегодня пылит суховей,
Лесами холмы заростут,
И новые горы на месте морей
Из наших песчинок взойдут.

Любимому коту Васе

Когда в глаза твои гляжу,
Порой теряюсь я,
Как будто в чащу прихожу
И нет со мной ружья.

И будто там, в глуши лесной -
И над,
и под,
и за -

Следят внимательно за мной
Зеленые глаза.

И кто-то прячется в траве,
Готов к прыжку всегда.
Там я уже не человек,
А только лишь эда.

Там сотни игл, когтей и змей,
Чтоб жалить и терзать...
И очень хочется скорей
Оттуда убежать.

Мы строим корабли,
 чтоб плыть в бескрайний космос;
Наскутила Земля потомкам моряков;
Хотим найти вдали другой такой же остров
И заново начать отсчет своих веков.

Пока что каботаж - еще нам виден берег,
Но скоро в дальний мы отправимся поход
И будут среди нас и Новый Кук, и Беринг,
И Новый Магеллан вновь потеряет год.

И вновь, как в прошлый раз,
 неправ и неподсуден,
Ликующий Колумб увидит Новый Свет,
И снова выйдут к нам доверчивые люди,
Аборигены девственных планет.

Но, может быть, огромный астероид,
Как грубый айсберг, наш прервет полет
Или в конце пути все планы нам расстроит
Чужих миров патрульный звездолет.

Или потом, когда мы станем там на рейде
И будет отдыхать уставший экипаж,
Какой-нибудь потомок дерзкий Дрейка
Корабль наш возьмет на бордаж.

Но все сомненья - прочь!
 Бояться звезд не надо.
Простор открыт - и нет пути назад...
Я знаю,
 есть миры богаче Эльдорадо.
Летим!..
 Держите курс по траверсу Плеяд.

ОСТРОВ

Капитан - он вырос в море,
Экипаж - ему под стать.
Может к счастью, может к горю,
Отплывают...

Так держать!

Ветер в помощь нам, ребята.
Курс норд-ост,
потом правей.
Остров там, о нем когда-то
Кто-то слышал от людей.

- Чудо-остров! - будто выдох
Понеслась шальная весть.

И поплыли:

- Бог не выдаст,

Рыба-кит не сможет съесть!

Этот остров (кто же сможет
весь проверить океан?),
Чтоб команду обнадежить,
Сам придумал капитан.

Видно птица вдаль летела,
Заронила в сердце блажь:

- Мелководье надоело,
Опостылел каботаж!

И надумал он -

решился

Плыть за море в шторм и тьму.

Ну, а остров может снился,

Может чудился ему.

А теперь и сам он верит
(Кто и нас порой поймет!),
Что и вправду будет берег,
Если только повезет;

Если снасти не порвутся,

Если выдержат рули...

Дома ждут их, не дождутся:

- К сенокосу б хоть пришли.

ПРИШЕЛЕЦ

Когда наш звездолет взорвался,
Лишь я случайно уцелел.
С тех пор один живу среди вас я
На вашей проклятой Земле.

Тот рейс и трудным был, и долгим.
Про наш маршрут никто не знал,
И, чтоб нашли меня, я должен
Был дать какой-нибудь сигнал.

Но как?

Из этой дикой дали!
Потом я понял...

И тогда
Ярмо чинов, наград, регалий
И кнут тщеславья я вам дал.

Затем к искусствам и наукам
В вас пробудил я интерес.
И ожил грубый многорукий
Мой монстр по имени "Прогресс".

Пещеры - избы - небоскребы;
Телега - поезд - самолет...
Был сделан Сфинкс, придуман Робот,
Написан "Гамлет", "Дон-Кихот".

Нашли от СПИДа вы лекарство,
Сменили шляп и брюк покрой...
Я сам порою увлекался
Всею этой вашей мишурой.

Но помнил цель -
и непреклонно
Вас направлял дорогой в ад:
Фотоны - атомы - нуклоны;
Нейтрино - ядерный распад.

И вот - крылатые ракеты,
Стремление к атомной войне.
Я знаю: в дикой гонке этой
Вы не удержите коней.

Уже предвижу человека,
Кто станет новым Калитой.

Накопим сил, укрепнем -
 после
Сполна вернем свой давний долг;
На новом Куликовом поле
Промчится наш засадный полк.

Где край страны моей, того не знаю сам,
И не пытаюсь очертить границы;
Такие есть вдали дремучие леса,
Где самому нетрудно заблудиться.

Такие бездны есть:
 кружится голова,
Когда о том всего лишь вспоминаю...
И есть еще такие острова,
Которых никому не открываю.

Лишь мачты кораблей оттуда мне видны
И я не жду гостей, не требую вниманья...
Такие женщины в меня там влюблены,
Такие странные сбываются желанья!

Заветный талисман меня там бережет,
От бед и от невзгод
 всегда хранит незримо...
Предательской стрелы
 почувствовав полет,
Успею отскочить, чтоб пролетела мимо.

Там есть одна тропа; когда идешь по ней
Вдоль берега реки
 притихшим поздним летом,
Через кабаньих лог и высохший ручей...
Но лучше в другой раз
 я расскажу об этом.

ОТЧЕТ

**В галактике 105Ц-РОИ,
Вдали от обжитых миров,
Нам повстречался астероид
С развалинами городов.**

**На нем в процессе измерений
И изучения пород
Среди разрушенных строений
Был обнаружен тайный ход.**

**Он вел окольными путями
В пещеры дальние и в них
Нас встретил инопланетянин,
Один оставшийся в живых...**

**Разумен, склонен к обобщеньям,
Доброжелателен...
Итак,
Согласно "Кодекса общенья"
С ним установлен был контакт.**

**Он рассказал (приводим устный
И упрощенный перевод),
Что прежде разумом и чувством
Уравновешен был их род.**

**Тогда там знали, что мудрее
Холодной формулы игра,
Что верность убедит быстрее,
Чем логарифм и интеграл.**

**Но постепенно, век за веком
Жизнь превращая в ремесло,
Они теряли человечность,
В расчет лишь веря и число.**

**Казаться стало им, что мере
Доступна глубина идей,
Что можно честь и мысль измерить
И судьбы вычислить людей.**

Когда ж их стало слишком много,
Конгресс, не видя мер иных,
Рожденье ограничил строго
Для части подданных своих.

Те дали бой и в столкновеньи
Неконтролируемых сил
Внезапный взрыв в одно мгновенье
В обломки мир их превратил.

Таков итог...

Свой астероид
Не захотел он покидать,
Сказав с улыбкой, что не стоит
Свой дом на звездолет менять.

Еще, когда уже нам дали
Сигнал вернуться с корабля,
Спросили мы:
- Как мир ваш звали?
И он ответил нам:
- Земля.

ГЕРОСТРАТ

Умру.

Уйду в небытие.
Меня забудут, предадут забвенью
И имя доброе мое
Не вспомнят даже на мгновенье.

Мне говорят, что было так всегда,
Что и звезда когда-нибудь сгорает,
Что гибнут реки, страны, города...
Но мне-то что до них,
когда я умираю!

Мне старец рассказал о будущих веках
(Он будто там бывал и выслан в наказание);
Был чужд язык его и знаки на руках,
И письма, и дерзкие познания.

Железные рабы там облегчают труд,
Летучьи есть лады,
всевидающее око;

**Есть полный сотен солнц
 светящийся сосуд,
Есть храмы под землей укрытые глубоко.**

Он говорил еще (я той не верю лжи!),
Что смертных оживлять
их мудрецы умеют;
Он видел там людей, начавших снова жить,
И здесь он их встречал,
но называть не смеет.

И выбор тех людей понять нам не дано:
То воин, то поэт, что всеми почитаем,
То дерзкий раб...
И верно лишь одно,
Что силе силу чувств
жрецы предпочитают.

Не верю!
Но хочу поверить в это я...
Ведь высохший ручей
вновь полнится водою,
А на руинах вновь строения стоят
И вновь цветут сады зеленою весной.

Так может и для нас: смерть -
только долгий сон?
Проснешься и опять увидишь эти нивы
И этот храм...
О, как прекрасен он!
Как мир велик, как время торопливо...

Кто знает жребий свой?
 Что дальше - тьма иль свет?
 Откуда мы пришли,
 куда уйдем потом мы?..
 Пусть лгал старик, но выбора мне нет
 И пламень чувств моих
 узнать должны потомки.
 Писать стихи?..
 Нет, то не для меня.
 Быть воином?..
 Увы, уж старец я убогий.

Так уничтожу храм!
Пусть буду проклят я,
Но вечен, может быть...
Иду!
Смотрите, боги!

Выйду в поле-луг зеленый,
Лягу в клевер молодой;
То ли пахарь утомленный,
То ль разбойник удалой.

У щеки кузнец стрекочет,
Выбивается из сил;
Пригревает солнце -
Сочи!
Никуда б не уходил.

А потом наступит вечер,
Млечный Путь огни зажжет,
Будто выплывет навстречу
Океанский пароход.

Не достичь тех звездных точек,
Время держит нас в плену.
Жизнь моя,
как островочек,
Сто шагов-годков в длину.

Незаметно прибывает
В море темная вода,
Островочек тает-тает,
Исчезает навсегда.

Много было песен спето,
Много смыто островов...
Хорошо за Волгой летом,
Если мало комаров.

МИНАРЕТ

(Поэма)

*Булгар - город у реки Итиль.
Ибн-Шарафутдин, арабский
писатель XVI века*

Все больше лодок сохло на песке,
Кончалось лето, осыпались вишни...
Мы плыли вниз по матушке-реке,
Прошли Казань и утром к Каме вышли.

И словно расступились берега;
Едва-едва холмы виднелись справа,
А слева шли отлогие луга
И с волнами почти сливались травы.

Темнел вдали деревни силуэт:
Квадраты изб, косых оврагов шрамы.
И вдруг я различил упругий минарет
И азиатский купол шестигранный.

- Что это там?..

И подсказали мне:

- То Булгары - великий город древний;
Он издавна в заволжской стороне
Стоял на месте нынешней деревни.

Булгарским был когда-то этот край.
Потом прошли здесь орды Тамерлана...
- Болгария?

Но это же Дунай,

Причерноморье, древние Балканы.

**А кто жил здесь в краю степных дорог?
Что их вело - тщеславие, интриги
или война?..
Никто сказать не мог,
И я взял в руки атласы и книги.**

**Страницы книг - слои былых времен,
В них сохранились камешки имен,
В них отпечатки городов и стран
Оставил дней минувших океан.
Вот черепа погибших крепостей,
Ракушки славы, янтари идей.
Вот древних распрей ржавые клинки...
Я здесь ищу течение реки,
Которой плыл ко мне вчерашний мир,
Которой дальше уплываем мы.**

*В 642 году н.э. умер вождь болгар
Кубрат, оставив трех сыновей. После
его смерти болгарские племена под
натиском хазар ушли из родных
приазовских степей. Одни направились
к Дунаю, другие - на Северный Кавказ,
третьи - в Поволжье.*

История Булгарии

**Вождь умирал...
- Я ухожу от вас,
Когда беда нависла над страной.
Вы знаете: уже не в первый раз
Хазарский хан идет на нас войною.**

**Огромна и сильна его орда.
Я знаю, труд вас не пугает ратный.
Но если все погибнем,
то тогда
И весь наш род погибнет безвозвратно.**

**Другой есть путь: склониться под пятой,
Жизнь выкупить смиреньем и дарами.
Но если вы склонитесь,
то потом
И дети ваши вырастут рабами.**

Сыны мои!

**Здесь все родное вам:
И степи, и луга, и рек счастливых воды.
Но лучше земли уступить врагам,
Чем поступиться верой и свободой.**

**Вот мой наказ: покиньте отчий край,
Свои дороги выбирайте сами.
И мне пора...**

**Один шел на Дунай,
Другой - к Кавказу,
третий - Волгой к Каме.**

**За Волгой степи, травы, ковыли;
Вдоль Камы чащи, темный бор, дубравы.
Здесь в междуречье,
от морей вдали,
Укоренилась новая держава.**

**Еще слаба, неопытна; порой
По жеребьячи разъезжались ноги,
Когда саму себя в подъем крутой
Взвозила по нехоженной дороге.**

**Еще бросала пашни и стада,
Отсиживалась в дебрях непролазных,
Когда степных кочевников орда
Набеги совершала раз за разом.**

**Но постепенно нарастала плоть
И разум креп, и рубцевались раны...
Край богател.**

**И вот уже не прочь
Сюда купец направить караваны.**

*Я не знаю, где граница
Между Севером и Югом...
М.Светлов*

*Запад есть Запад,
Восток есть Восток,
И вместе им не сойтись...
Р.Киплинг*

**Тары-бары, тары-бары!
Все на ярмарку в Булгары.**

А вокруг толпа...
Тюрбаны,
Паранджи и сарафаны,
И халаты, и папахи,
И холщевые рубахи,
Кошемировые шали,
Малахаи рыжих лис...
Юг и Север здесь смешались,
Запад и Восток сошлись.

Рано утром на базар
Привезли людской товар...

- Вот рабы! Кому рабы!
Работащи и храбры.
Обменяю молодцов
На арабских жеребцов,
А за ту овцу
Дам наложницу...

Сам мулла ведет распросы:
- Есть ли здесь каменотесы?
- Есть, - помедлив вышли трое,
- Все, что хочешь, можем строить.

- Ну, а делать минареты
Вера вам не запретит?
- Не молиться ж!

А за это,
За работу, Бог простит.
- Если так, то покупаю
Всех троих и обещаю
Отпустить на волю вас,
Когда будет сдан заказ,
В тот же день...

Тогда за дело!
И работа закипела...

Рабский труд - тяжелый труд,
От такой работы мрут.

Только палка, только кнут
Ускоряют дело тут.
Если ж стимул есть, то раб
И такой работе рад...

Промелькнуло десять лет -
И построен минарет.
А впридачу - три мечети
Красивейшие на свете,
А за ними мавзолеей
И палаты для гостей.
А еще - дворец для хана.
Рядом - баня,
 в бане - ванна
Сделана;

 в нее вода
Из реки подведена...
А вокруг всего - стена
Для защиты создана,
Перед ней - глубокий ров
Неприступный для врагов.

Хан премного был доволен
И строителям дал волю.
Одному...

 Других уж нет,
На костях их - минарет.

- Всемогущ аллах великий! -
Муэдзина слышны крики.
Правоверных в день пять раз
Он сзывает на намаз.

Как-то вышел рано утром,
Слышит шорох, дождик будто
Моросит.

 А тучи нет...
Муэдзин на минарет
Не спеша (наверх крутая
Лестница ведет витая)

Поднялся и вдаль глядит.
Видит - в небо пыль летит.
Закричал: - Беда! Беда!
С юга движется орда...

Приглушенно - тум,тум,тум -
Слышен в поле дальний шум;
Топот тысяч лошадей,
Крики,
хрипы,
визг людей.
Будто в бубен бьет колдун
Равномерно - дун, дун, дун.

Мчатся, как в степи огонь,
Рядом с каждым свежий конь:
Десять ног на пару рук,
За спиной колчан и лук.
Затмевают белый свет.
Никому пощады нет!

Прискакали.
Окружили.
Словно петлю наложили.
Не спешат - куда спешить!
Завтра городу - не жить.

Отдыхают, ставят стан.
В том шатре - сам Тамерлан.
Думает:

- И впрямь богат
Этот северный Багдад.
Сразу видно - много злата
В белокаменных палатах.
Есть там всякое добро:
И вино, и серебро;
Шелком шитые диваны,
Муравленные кунганы,
Темнокрасные рубины,
Дивнобедрые рабыни...
Завтра к вечеру все это
Заберу себе...

С рассветом
Поднялась орда всей кучей,
Понадвинулась, как туча.
Ближе, ближе...
Остры стрелы
Пролетают то и дело.
Катапульти шлют каменья,
Разрушая укрепления.
Ближе, ближе...
Пред собою
Гонят пленников толпою.
Они связаны по трое,
Тащат бревна - туры строить.
Ближе, ближе...
В них стреляют
(Их свои же добивают),
Кипяток и смолы льют...
Туры все-таки растут
Выше стен...
Убитых в ров
Валят, полнят до краев.
Ставят крепкие тараны,
Начинают непрестанно
В стены бить и день, и ночь.
И ничем нельзя помочь.
Участь всех предрешена...

Утром рухнула стена...
Ворвались.
Дружину смяли.
Город весь в крови и мясе.
Смерть, разбой, пожаров ад.
Грудой пленные лежат.
Обреченные глаза...

· Всех убить,
- Тимур сказал,
- Лишь строителей не старых
Взять с собою и заставить

Все дожечь, сломать, разбить
И с землей сравнять...

Лишь это
(Повернулся к минарету)
Для потомков сохранить.
Обо мне в напominанье,
Непокорным в назиданье.

*Здесь нам суждено
В Европу прорубить окно.
А.С.Пушкин*

Из Москвы дорогой вольной
Петр Лексеевич по Волге
Плыли в Астрахань.

В тот год
Был на Персию поход.

Думал царь: - По всем границам
Мы сумели укрепиться
С запада;

подходит срок
Обратиться на восток.

Если станем здесь надежно,
Никому нас невозможно
Опрокинуть.

Сил тех нет!
И увидел минарет...

- Что за крепость?

- То Булгары
Или Булгар - город старый;
Иноверцы говорят,
Был столичным этот град.

Вышли на берег,
позвали
Стариков и меж развалин
Ходят, смотрят...

Местный дьяк
Объясняет, что и как.

Осмотрел все,
даже сверху
С минарета глянул царь.
Слышит смех: - В чужую веру
Что ль собрался, государь?

Флагман первым не пристанет
К неизвестным берегам.
И тебе, чай, не пристало
Потакать чужим богам.

Петр в ответ: - Пусть разны боги,
Словно пальцы на руке,
Но помочь России могут,
Когда сжаты в кулаке.

Не поладим - будет ропот.
Дело ж здесь - на всех одно:
Есть у нас окно в Европу,
Нужно - в Азию окно.

Потому наказ мой строгий
(Значит так тому и быть!):
Подвести сюда дороги,
Все исправить, обновить.

Чтоб теперь сия громада
Простояла сто веков.
Мастеров сюда бы надо...
- Я бы взялся.

- Кто таков?
- Вольный сам, сынов есть трое.
Мой пра-пра-далекий дед,
Говорят, когда-то строил
Этот самый минарет.

Ну и мы - не лыком шиты,
Не ударим в грязь, поди ж!
Укрепим, наладим плиты -
Все устроим, как велишь.

- Коли так, берись за дело.
Я ж, как меньше станет дел,

Возвращусь, помянем деда,
Поглядим, что ты сумел.

И уехал...

Применяя,
Как обычно, свой аршин,
Мыслил люд: - Вон Русь какая!
Бога два, а царь один!

*Болгаре, глаголемии казанцы...
Летопись XVI века*

*Русская Бездна, Татарская Бездна...
Названия деревень*

Кружит по лесу дорога,
Лентой тянется в полях.
До Булгар пути немного,
Два часа на "Жигулях".

Пробегают деревушки:

Огороды,

стадо,

пруд...

В черных шалях две старушки
К разным кладбищам идут.

Глянешь:

там - кресты косые,

Там - неполная луна...

Азиатская Россия,

Средневожская страна.

Здесь степей полыннь запах,
Шорохи лесных дорог.
Здесь сходилсЯ дерзкий Запад
И седеющий Восток.

Много конных здесь скакало,
Много пешнх тут прошло,
Много "ихних" здесь пропало,
Много "наших" полегло.

То веками враждовали,
То мирились навсегда...
Годы шли и оседали
На минувшие года.

Эти почвы и породы
Погребли в глуби своей
Прежде жившие народы,
Государства прежних дней.

Скифский идол, гуннов чаши,
Древних болгар города...
Спросят:
- Это предки наши?
И не сразу скажешь:
- Да.

Да!
Тот - меньше, тот - поболее,
Сохранен в нас каждый род.
Словно реки впади в море
Под названием "народ".

В этом море растворились
Кочевые племена,
Век за веком позабылись
Их привычки, имена.

Изменились нравы, речи,
Не узнать названья стран;
Никогда уже не встретишь
Из Багдада караван.

Но все также у деревни
Неподвластный временам
Минарет стоит, как древний
Динозавр, пришедший к нам.

Булгары - Димитровград, 1987 г.

БАЛЛАСТ

(Поэма)

Туманным утром из-за мыса,
Под парусом, как в облаках,
Проплыл корабль -
и спутал мысли,
Напомнив о былых веках.

**Мы позабыли про рыбалку,
Заговорили о морях,
Пиратах, бригантинах, барках,
Новозеландских дикарях.**

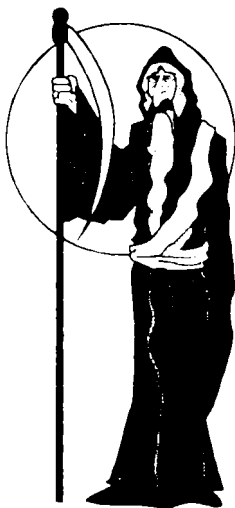
**Припомнили о злых пассатах
И капитанах удалых,
Которых паруса спасали,
Когда моря топили их.**

Тут бывший боцман (нынче стала
Ему привычнее земля)
Спросил:
- Что парус - ветер, слава!
А что основа корабля?

**И сам, в руке подбросив камень,
Отвeтил, чуть прищулив глаз:
- Ни капитан,
 ни курс,
 ни камбуз;
Основа корабля - балласт!**

Муж и жена - одна сатана...
Старая поговорка

Ты - мой балласт,
я - парус твой:
Мы в равновесии с тобой...

Когда попутный дует ветер,
Сомнений я не знаю,
За километром километр
Пространство укрощаю.

Легко скольжу я по волне,
Не замечаю груза,
Но мысль свербит:
- Зачем ты мне,
Тяжелая обуза?

Ты только сдерживаешь бег
И тормозишь движенье.
Один я обогнал бы всех -
Какие в том сомненья?..

Но ветер вдруг свирепей стал,
Рванул навстречу, сбоку -
И вздыбил море...
Капитан!
Молись, несчастный, Богу.

Корабль не выдержит напор
Неистового шторма,
Беги скорей в ближайший порт,
За мола прячься шторы.

Но тот,
презрев и ад, и рай,
Хрипит осипшим басом:
- Наверх все!
Паруса снимай!
Рас-так вас, рыбье мясо!

Наверх!
Отставить...
(Ветер рвет -
Не сладить с парусами)
Рубите мачты -
и за борт,
А то там будем сами.

Рубите мачты
и за борт

Их с парусами сбросьте...
На кости мясо нарастет,
Остались целы б кости.

Руби!
И застучал топор...
Запомним этот приговор.

*Мне кажется, что тайны океана
На берегу познаю глубже я.*

Г.Торо

Пришел сентябрь и вновь в чужие страны
Перелетают стаи журавлей...
Мне перестали сниться океаны
И мачты потонувших кораблей.

Все чаще в небо устремляю взоры,
Ищу опору в звездной глубине.
Мне кажется, земные наши споры
Со стороны понятней станут мне.

И как-то раз,
блуждая средь галактик,
Мечтой себя от будней удаля,
Я вдруг приметил небольшой кораблик
С названием удивительным Земля.

Материки - как палубы большие,
Все люди - лоцманы, матросы, шкипера.
На мачтах -

Штатов паруса тугие,
Японские косые кливера.

Плывем в страну неведомо какую;
Галактикам чужим наперерез
Без лоции и карт рулит напропалую
Наш капитан по прозвищу Прогресс.

Он вдаль глядит,
таращит телескопы:
Не врезаться б в кого, сквозь годы мчась...

**А в темном трюме Азии-Европы
Лежит балласт -
Земли шестая часть.**

**Огромен,
неподъемен,
непробужен,
Тысячелетья погружен во тьму,
Он, вроде бы, на корабле не нужен,
Быстрее плыть мешает лишь ему.**

**Среди движенья моря,
ветра песен
Он кажется неловким и чужим.
Но без него корабль легковесен -
Как мячиком, сыграют волны с ним.**

**И если шторм подхватит нас и грубо
Помчит корабль на рифы Гончих Псов,
То только он, своею массой грузной,
Уравновесит вольность парусов.**

**Ну, а пока громада не при деле,
В тяжелой дреме темные пласты;
Таятся в них великие идеи,
Несбыточные теплятся мечты.**

**Им чудится страна за океаном,
Где все равны,
где правит сам народ.
Но наш корабль с отчаянным капитаном
Совсем в другую сторону плывет...**

**Я знаю, главное совсем другое;
это -
Не спорить меж собой,
чтоб вечно плыть
и плыть...**

**Но почему,
чтобы жила планета,
Страна моя должна балластом быть?**

Димитровград, 1991 г.

СОДЕРЖАНИЕ

"Я не был у реки полгода"	3
Старый мотив.....	3
Может быть.....	5
"Порой в случайном сочетании"	6
У костра.....	7
Егорыч.....	8
Разговоры с отцом.....	8
"За Бригадировкой дорог хороших нет".....	10
"Казалось путь далек".....	11
"Вновь осень свои предъявляет права".....	11
"Снова лифт на ремонте".....	12
"Буераки да осинки".....	13
"Еще стремлюсь".....	14
Атолл.....	14
"Январь заметит".....	15
"Осенняя роскошная пора".....	15
Разрыв.....	16
"Безлюдье".....	17
"В который раз зима приходит к лету".....	17
"Вершина лета, донышко зимы".....	18
"Вчера весь день была ненастная погода".....	18
"Ну, здравствуй!".....	20
"Ей 18, а ему давно за шестьдесят".....	21
Тост.....	22
Вы и Ты.....	22
Баня.....	23
Июньский жук.....	24
Игра.....	24
Цирк.....	25
"Люблю сырой, ненастный вечер".....	27
"Неторопливых волн валы".....	27
"Когда в глаза твои гляжу".....	28
"Мы строим корабли".....	29
Остров.....	30
Пришелец.....	31
Иго.....	32
"Где край страны моей".....	33
Отчет.....	34
Герострат.....	35
"Выйду в поле - луг зеленый".....	37
Минарет (поэма).....	38
Балласт (поэма).....	50

Издано
по решению
и с помощью
Главы
Димитровграда
В. А. Паршина

ПОСАД
1877 1997
МЕЛЕКЕСС